

История СССР за рубежом

ИЗУЧЕНИЕ РУССКО-ВЕНГЕРСКИХ СВЯЗЕЙ В НАРОДНОЙ ВЕНГРИИ

Я. И. ШТЕРНБЕРГ

Освобождение Венгрии Советской Армией и установление в стране народного строя знаменовало новый этап во взаимоотношениях Венгрии и СССР. Отсюда повышенный интерес историков народной Венгрии к изучению связей двух стран в прошлом, интерес, проявившийся сразу после 1945 года и крепнущий с каждым годом.

Нельзя утверждать, что отношения России и Венгрии совершенно не освещались в венгерской исторической литературе до 1945 г. Венгерские буржуазные историки конца XIX — начала XX вв. Ш. Марки, Л. Таллоци, К. Гереш, А. Ходинка и другие проделали определенную работу в исследовании этой темы. Шандор Марки (1853—1925) еще в 1878 г. выпустил небольшую книгу «Русские в истории нашей Родины»¹, а в дальнейшем более обстоятельно осветил ряд моментов русско-венгерских связей. При этом, если первая работа носила на себе отпечаток антирусских настроений, искусственно раздуваемых в стране в период русско-турецкой войны, то в своем академическом докладе 1913 г., посвященном договору о союзе между Петром I и Ференцем II Ракоци, Марки, принадлежавший к так называемой партии независимости и представлявший либеральное направление буржуазной историографии, проводил мысль, вопреки официальной линии правительства, о необходимости сближения Венгрии с Россией². Несомненно интересной была также книга А. Ходинки «Русские летописи о венграх»³.

В период контрреволюционного хортистского режима русско-венгерские связи почти не изучались. Единственным сколько-нибудь значительным изданием был сборник «Венгрия и славяне», в котором, однако, значение этих связей, как правило, принижалось, а в ряде случаев они были представлены в искаженном свете⁴.

В целом к моменту освобождения страны только узкий круг проблем, хронологически ограниченный началом XVIII в., был предметом исследования в исторической литературе. Первое время разработка данной темы налаживалась с большими трудностями — сказывались малочисленность кадров, знающих языки, их недостаточное знакомство с трудами русских и советских авторов. Это привело к тому, что первые издания о русско-венгерских связях, появившиеся сразу после 1945 г. и политически весьма нужные и важные, в научном отношении были крайне слабы⁵.

¹ Marki Sándor. Az oroszok a hazánk történetében: Nagyvárad, 1878.

² «Akadémiai értesítő», 1913, 401—413 old.

³ Hodinka Antal. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai, Bp., 1916.

⁴ «A magyarság és a szlávság», Bp., 1942.

⁵ Fogarasi B., Illés B. Magyar orosz történelmi kapcsolatok, Bp., 1945; «Magyarország és Kelet-Európa», Bp., 1947, 31—60 old.

В последующие годы изучение данной тематики было поставлено на подлинно научную основу. Большую помощь исследователям оказали библиографические справочники, в которых получили отражение и материалы по истории русско-венгерских отношений⁶, а также специальные библиографии по истории русско-венгерских литературных связей⁷. Первые ощутимые результаты были налицо ко времени съезда венгерских историков в 1953 г.⁸ Спустя еще 3 года увидел свет сборник «Венгерско-русские исторические связи»⁹. Венгерские слависты получили собственные специализированные периодические издания — в 1955 г. журнал «*Studia Slavica*», выходящий в Будапеште, а в 1961 г. ежегодник «*Slavica*», выходящий в Дебрецене. Значительным достижением явился выпуск трехтомного сборника «Венгерско-русские литературные связи», первые два тома которого посвящены дооктябрьскому периоду¹⁰. Этот сборник, подготовленный совместно с Институтом истории литературы АН ВНР и Институтом мировой литературы им. М. Горького АН СССР, содержит ряд ценных работ по широкому кругу вопросов истории культурных связей двух стран¹¹. В целом необходимо подчеркнуть, что за двадцать лет существования народного строя в Венгрии выросли значительные кадры исследователей-славистов — историков, литературоведов, языковедов, работающих в тесном содружестве.

В последнее время в изучении интересующей нас тематики обозначилось стремление перейти от собирания фактов, от мелких сообщений к обобщающим работам. Все решительнее изживается укоренившееся в старой литературе стремление исследовать контакты с народами, входившими в прошлое в состав Венгрии, в плане чисто венгерских связей¹². С другой стороны, появились работы не только об отношениях Венгрии с Россией, но и с Украиной, Грузией, Арменией, Эстонией и другими национальными республиками Советского Союза.

Мы познакомим читателя с работами историков социалистической Венгрии, посвященными различным формам и аспектам русско-венгерских связей, начиная с древних времен и кончая 1917 г.

* * *

Проблемы истории русско-венгерских отношений в древности привлекали интерес еще буржуазных историков, причем не только наших двух стран. Много споров вызвал вопрос о венгерском господстве над Русью в IX в. Еще в 1840 г. известный венгерский историк так называемого мечтательного направления Иштван Хорват (пытавшийся разрешить проблему венгерского этногенеза на основе библии) написал трактат «Действительно ли основателями Русской империи были венгры?», где дал положительный ответ на этот вопрос¹³. В дальнейшем, некритически подходя к данным венгерского хрониста Анонима, венгерские буржуазные историки говорили о покорении венграми Киева, при-

⁶ Kosáry Domokos. Bevezetés a magyar történelem forrásaiba és irodalmába. I—III, Bp. 1951—1958; «Magyar Történelmi Bibliográfia. 1825—1867», I—IV, Bp., 1951—1959.

⁷ «Az orosz irodalom magyar bibliográfiája», Bp., 1947; «A szovjet népek irodalmának magyar bibliográfiája 1944-ig», Bp., 1956.

⁸ «Magyar Történész Kongresszus», Bp., 1953 (далее МТК). Имеется русский перевод, напечатанный множительным аппаратом: «Конгресс венгерских историков». Вып. I—III. Будапешт, 1953.

⁹ «Magyar-orosz történelmi kapcsolatok», Bp., 1956 (далее: МОТК).

¹⁰ «Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből», I—III, Bp., 1961. (Ред. М. Рев см. «Вопросы литературы», 1963, № 5, стр. 229—238).

¹¹ Часть статей вошли в русское издание сборника. См. «Венгерско-русские литературные связи» (далее: ВРЛС). М., 1964, стр. 282.

¹² В этом отношении важной является статья Э. Арато о связях славянских народов Венгрии с Россией («Tanulmányok...» I, 245—294 old.).

¹³ «Tudománytár», 1840, X—XI füzet.

чем у многих из них (как, например, у министра культов и просвещения хортистского режима Б. Хомана) развитие этой теории преследовало цель разжигания вражды между венгерским, русским и украинским народами. Дальнейшее развитие эти взгляды получили в работах белоэмигранта Г. Вернадского, который утверждал, что Аскольд и Дир были наместниками «покорителя» Киева, вождя венгерских племен Альмоша¹⁴.

Отвергая методы и цели буржуазной историографии, историки Народной Венгрии ставят перед собой задачу изучить русско-венгерские отношения во всей их многоплановости. Специальную статью связям между обеими народами в IX в. посвятил Йожеф Перени, заведующий кафедрой истории стран Восточной Европы Будапештского университета им. Лоранда Етвеша¹⁵. Он придерживается мнения об уплате дани венграм частью восточнославянских племен (кривичами и северянами), но не ставит этот вопрос в центр исследования. На основе широкого круга письменных источников, лингвистического и этнографического материала он показывает положительное влияние земледельческих восточнославянских племен на развитие культуры венгров. Автор считает, что контакты этих племен с венграми были более продолжительными, чем считалось ранее.

Культурным связям этого периода исследователь посвятил еще ряд статей. В одной из них, опираясь на труды русских и советских исследователей, появившиеся за полвека после выхода книги Ходинки, Перени исправляет и дополняет его комментарии русских летописей, содержащих высказывания о венграх. Автор пытается выяснить источники этих высказываний, степень их достоверности и значение для изучения древней истории Венгрии. Оригинальные мысли высказаны им в отношении малоизученной Галицко-Волынской летописи¹⁶. В статье «Легенда о святом Владиславе в России» автор рассматривает пути проникновения легенды о венгерском короле Ласло в «Повесть об убийении Батыя», причем его предположения о том, что автор повести монах Троице-Сергиевской лавры Пахомий, серб по происхождению, побывав в Венгрии, кажутся обоснованными¹⁷.

Продолжая и конкретизируя изыскания Перени, Эндре Иглои, руководитель кафедры Русского института при Дебреценском университете им. Л. Кошута, высказывает оригинальные мысли о влиянии русских преданий, отраженных в «Повести временных лет», на венгерскую хронику. Автор считает, что эти предания могли проникнуть в Венгрию через венгерских герцогов Андрея и Левенте, продолжительное время проживавших в Киеве при княжеском дворе¹⁸. Проделанный Иглои анализ и перевод на венгерский язык одной из легенд Киево-Печерского патерика о блаженном Моисее Угрине (который был «угрин родом», т. е. венгр) свидетельствует о глубоком проникновении в идейное содержание памятника и тонком понимании его художественных особенностей. Иглои предполагает, что Моисей, как и его брат Георгий, «лю-

¹⁴ С критикой взглядов Вернадского еще в 1946 г. выступил акад. М. Н. Тихомиров («Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 186). См. также В. П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX веке. В кн. «Международные связи России до XVII века», М., 1961 (далее: МСР), стр. 131—180.

¹⁵ И. Перени. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами, «Studia Slavica», II, N 1—4, Бр., 1956 (этот журнал печатает статьи на различных языках, в том числе и русском).

¹⁶ Perényi József. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai, «Tanulmányok...», 28—54 old.

¹⁷ «Studia Slavica», I, fasc. 1—3, 1955, p. 227—244.

¹⁸ Э. Иглои. Повесть Временных лет о венграх. «Slavica», III, Debrecen, 1963, 83—104 old.

бимец» Бориса из сказания о Борисе и Глебе, могли быть потомками венгерских воинов, служивших у киевского князя Святослава¹⁹.

Ряд статей Иглои посвятил венгерским переводам «Слово о полку Игореве». Особенно подробно он рассмотрел первый прозаический перевод Сенде Ридля, преподавателя венгерской литературы Пражского университета (1858 г.), а также новый прозаический перевод лингвиста Йожефа Эрдеды (1955 г.)²⁰. Однако наибольшей похвалы Иглои справедливо удостоивает поэтическое переложение Гезы Кепеша (1958 г.), которому предпослано содержательное введение, где Кепеш пытается истолковать места поэмы, прямо или косвенно касающиеся венгров²¹. Надо надеяться, что автор продолжит изучение венгерских переводов поэмы и обратит внимание на перевод, сделанный в 1958 г. в Советском Союзе ужгородским литератором и краеведом П. В. Совой²².

Русско-венгерские отношения начала XIII в. изучает известный профессор Будапештского университета Эмма Ледерер. Еще в 1952 г. она написала статью о международной обстановке татаро-монгольского нашествия на Венгрию²³. В 1961 г. в Москве вышла новая ее работа по той же теме, в которой, в частности, рассматриваются предпосылки и значение договора между венгерским королем Бела III и Даниилом Галицким. В противовес венгерским буржуазным исследователям, считавшим, что угроза для Венгрии со стороны монголов после 1242 г. окончательно отпала, автор, опираясь на широкий материал, в частности на опыт монгольских вторжений в Корею, показывает значение венгерско-русского союза, а также героической борьбы народа Руси в тылу завоевателей для предотвращения нового монгольского вторжения в Венгрию²⁴.

В статье Т. Витмана рассматривается проект союза с Россией Габора Бетлена, возглавлявшего национально-освободительную борьбу венгерского народа на первом этапе Тридцатилетней войны. Накануне своей смерти в 1629 г. Бетлен, князь Трансильвании и король Венгрии, стремясь получить поддержку России в деле завоевания и укрепления независимости своей страны, направил послов в Москву для создания коалиции России, Швеции, Турции и Трансильвании против Габсбургской империи, испанского и польского королей²⁵. Советские историки еще раньше обрисовали место этих переговоров в международных отношениях того периода. Однако проф. О. Вайнштейн, использовавший и некоторые венгерские публикации источников, склонен несколько недооценивать роль самого Бетлена в переговорах, считая его лишь исполнителем планов шведского короля²⁶.

Базируясь на венгерских источниках, неизвестных советским историкам, Т. Витман показывает, какое место во внешнеполитических концепциях Бетлена занимало сближение с Россией, и раскрывает его непосредственную заинтересованность в осуществлении плана. Автор мог бы еще более полно осветить этот вопрос, если бы привлек материалы

¹⁹ Iglói Endre. Magyar Mózes legendája. «Filológiai Közlöny», 1962, № 1—2.

²⁰ Iglói Endre. Az Igor ének kezdeti fogadtatása Magyarországon. «Tanulmányok...», I, 55—85 old.; его же. К вопросу перевода «Слово о полку Игореве» в Венгрии, «Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae», t. VI, I, 1960, 287—298 old (далее: AUD).

²¹ «Enek Igor hadáról». Höskölmény a XII századból. Bp., 1956, 24—27 old.

²² «Enek Igor hadáról». Höskölmény a XII századból az oroszok és a palócok harcáról. Uzshorod, 1958.

²³ «Századok», 1952, N 2, 327—363 old.

²⁴ Э. Ледерер. Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие, МСР, стр. 181—202.

²⁵ Wittmann Tibor. Bethlen Gábor az 1628—1629 évi erdélyi orosz szövetség keletkezése. MOTK, 35—51 old.

²⁶ О. Вайнштейн. Россия и Тридцатилетняя война, М., 1947, стр. 113—127.

советских архивов, которые до сих пор не были использованы в литературе и лишь частично отражены в венгерских источниках²⁷.

И. Перени в статье «Начало дипломатических связей между Ференцем II Ракоци и Петром I» характеризует обстановку, сложившуюся в Европе в связи с войной за испанское наследство и Северной войной, и стремится наметить место русско-венгерских переговоров в международных отношениях начала XVIII в.²⁸ Как хороший знаток польской истории (он автор популярной книги по истории этой страны) Перени сумел выпукло показать, что вопрос о польском престоле лежал в основе сближения Петра с Ракоци²⁹. Можно лишь отметить, что автор не совсем правильно связывает установление дипломатических отношений между Россией и Венгрией с приездом к Ракоци надворного советника царя Д. И. Корбе в мае 1707 г. На наш взгляд, было бы правильное отнести начало этих переговоров к марту того же года, когда Венгрию посетил офицер русской службы Дюпре, который вел переговоры с Ракоци от имени Петра³⁰.

Интересна статья Перени о планах посредничества Ракоци в общеевропейском конфликте в 1708—1709 гг. В приложении к ней автор опубликовал новый важный документ, озаглавленный «Диалог между двумя министрами Московского государства, именованными Дмитрием и Алексеем»³¹. Перени предполагает, что этот своеобразный меморандум на латинском языке, посвященный роли России в установлении мира в Европе, был составлен для представления Петру. Это подтверждается самим Ракоци, который в письме французскому посланнику в Варшаве Фервилю в ноябре 1709 г. прямо говорит о том, что послал царю документ под названием «Диалог» в русском переводе³². Интерес к этому документу проявляли исследователи внешней политики России еще в прошлом веке³³, но местонахождение его русского перевода до сих пор неизвестно.

Здесь необходимо также указать, что в изучение венгерскими историками дружественных отношений между Венгрией и Россией в начале XVIII в. была внесена путаница очерком писателя Б. Иллеша о русских офицерах, якобы посланных в Венгрию Петром I в 1703 г. для оказания помощи восставшим под руководством Ференца II Ракоци. Сам по себе факт отправки за границу офицеров в то время, когда Россия больше всего в них нуждалась, казался маловероятным. К этому выводу пришел и Йожеф Перени в своих статьях о связях Петра I и Ракоци II. Проверка, проведенная автором этих строк в Военно-историческом музее в Ленинграде, где, по указанию писателя, якобы хранятся эти материалы, окончательно убедила, что Иллеш выдал свой художественный вымысел за исторический факт³⁴. Подчеркнуть это тем более важно, что некоторые советские историки некритически воспроизвели факты о отсылке Петром офицеров в Венгрию³⁵.

После подавления освободительной войны 1703—1711 гг. Венгрия надолго потеряла независимость и возможность иметь самостоятельные

²⁷ См. ЦГАДА, ф. 40, оп. I, д. 1а. Переводы и грамоты Бетлена царю Михаилу Федоровичу, 1630, л. 1—38.

²⁸ Perényi József. II Rákóczi Ferenc és I Péter diplomáciai kapcsolatainak kezdetei. MOTK, 94—95, old.

²⁹ Впоследствии автор посвятил специальную статью этому вопросу. «Mediaevalia 50 rocznice pracy naukowej Jana Dobrowskiego», Warszawa, 1960, 437—468.

³⁰ «Archivum Rakoczianum», I oszt., II köt., 73 old.

³¹ «Annales Universitatis Budapestiensis de Rolando Eötvös nominatae». Sectio historica, t. VI, Budapest, 1964, p. 123—145 (далее: AUB).

³² «Archiv für österreichische Geschichte», Bd. 44, S. 492.

³³ См. А. Кочубинский. Граф А. И. Остерман и раздел Турции, Одесса, 1899, стр. 525.

³⁴ См. Я. Штернберг. Русско-венгерские отношения периода Полтавской победы. В кн. «Полтавская победа», М., 1959, стр. 71—102.

³⁵ См. «История Чехословакии», т. I, М., 1956, стр. 295.

внешнеполитические связи. Все же экономические и культурные контакты с Россией продолжались. Венгерские исследователи выявили материалы о знакомстве деятелей венгерской культуры XVIII в. с М. В. Ломоносовым. В сообщении сотрудников библиотеки Будапештского университета Б. Лендела и А. Тота приведены данные о работе известного венгерского историка второй половины XVIII в. Д. Прая³⁶ над историческими трудами великого русского ученого. Ф. Пап сообщил о личных связях венгерского лингвиста Д. Калмара с Ломоносовым³⁷. Известный литературовед и переводчик Д. Радо сделал сообщение о венгерской оде 1790 г., посвященной победе русских войск у Очакова³⁸. В статье К. Бора дан обзор статей и корреспонденции о культурной жизни России, появившихся в венгерских журналах с 1780 по 1825 гг. Интересны отклики венгерской печати о деятельности Вольного экономического общества, Академии наук, ее экспедициях и изданиях, а также об отдельных ученых (Лепехин, Паллас, Татищев, Карамзин и др.)³⁹. К сожалению, автор не говорит о том, что интерес к русской науке проявлялся не только на страницах венгерской периодики. Например, еще в 1770 г. был составлен план создания академии в Венгрии, основанный, в частности, на опыте Петербургской академии⁴⁰. Корреспонденции о деятельности ВЭО и его конкурсные вопросы помещались в венгерских изданиях и вызывали отклики со стороны венгерских ученых. Выдающийся апроном и просветитель Шамуэль Тешшедик в своем жизнеописании упоминает о том, что им был послан трактат в Петербург в ответ на конкурсный вопрос ВЭО⁴¹.

Пребывание русских войск под командованием Суворова и Кутузова в Венгрии в период наполеоновских войн, дружественное отношение к ним населения страны освещены в работах Пала Вайды и Иштвана Дарваша⁴².

Лайош Тарди, научный сотрудник библиотеки им. Сечени в Будапеште, посвятив ряд работ культурным и экономическим связям второй половины XVIII и первой половины XIX вв. В небольшой книге «История токайской комиссии по закупке вин (1733—1798)»⁴³ автор, опираясь на статью дореволюционного русского историка Б. Рачинского⁴⁴, на материалы венгерских и частично советских архивов, сообщает много интересных подробностей о жизни русской колонии в Токае во второй половине XVIII в. Токайская комиссия, однако, сыграла известную роль в развитии не только экономических, но и культурных связей двух стран. Автор лишь кратко упоминает о пребывании в Токае украинского философа и поэта Г. Сковороды, направившегося туда, чтобы обогатить свои представления о других странах, а кроме него, там в разное время служил и ряд студентов Киевской академии, которые одновременно посещали латинские училища Венгрии⁴⁵.

Совместно с Э. Шультейсом Тарди выпустил книгу о русско-венгерских медицинских связях. В ней рассмотрена деятельность целой плеяды

³⁶ Б. Лендел, А. Тот. Ломоносов как источник труда Прай Дьердь по ранней истории. «Annales Bibliothecae Universitatis de Rolando Eötvös nominatae». I, 1962, 171—174.

³⁷ Papp Ferenc. Kálmár György oroszországi kapcsolatairól. «Filológiai Közlöny», 1958, № 2, 346—347 old.

³⁸ «Filológiai Közlöny», 1957, N 1, 112—115 old.

³⁹ «Tanulmányok...», 1 köt., 86—120.

⁴⁰ Toldy Ferenc. Osszegyűjtött munkái. VII köt., Bp., 1873, 370—371 old.

⁴¹ Tessedik Sámuel. Önéletirása. Szarvas, 1942, 87 old.

⁴² П. Вайда. Армия Суворова в Венгрии, Будапешт, 1950, стр. 22.

⁴³ Tardy Lajos. A tokaji Borvásárló Bizottság története. Sárospatak, 1963.

⁴⁴ Б. Рачинский. Русские комиссары в Токае в XVIII столетии. «Русский вестник», 1875, т. 119, стр. 182—218.

⁴⁵ «Труды Киевской духовной академии», 1907, кн. 7, стр. 477—479; См. также: Я. Штернберг. Студенти і вихованці Київської Академії в Угорщині у XVIII ст. «Український історичний журнал», 1965, № 4, стр. 102—107.

врачей из Венгрии, работавших в России на протяжении второй половины XVIII и первой половины XIX вв.⁴⁶ Из них выделялся Ференц Керестури, который на протяжении полувека был профессором Московского университета. Окончив Московскую медицинскую школу, он сам стал учителем ряда выдающихся русских врачей⁴⁷.

Еще в 1954 г. Тарди опубликовал свою кандидатскую диссертацию о первом ректоре Петербургского университета Михаиле Балугьянском, выходеце из Венгрии⁴⁸. Автор сообщает новый интересный материал о жизни ученого, о его участии в движении венгерских якобинцев в 90-х годах XVIII в. и о пребывании его в Петербурге. Дискуссия вокруг этой книги, развернувшаяся на страницах исторического журнала «Századok», выявила некоторые ее недостатки (неточности, переоценка прогрессивных взглядов Балугьянского и т. д.)⁴⁹. Можно было бы указать и на другие недочеты работы (в освещении явлений русской общественной жизни, характеристике отдельных русских деятелей), на необходимость привлечения более широкого круга источников, но в целом следует считать книгу Тарди полезной⁵⁰.

Культурным связям первой половины XIX в. посвящена также статья Тарди о впечатлениях русских путешественников, побывавших в Венгрии⁵¹. К этой же теме относится его публикация отрывков из книги русского морского офицера В. Броневского, проезжавшего через Венгрию в 1810 г.⁵². Совместно с Д. Радо Тарди написал научно-популярную книжку о венгерском путешественнике Яноше Беше, посетившем в конце 20-х годов XIX в. Крым и Кавказ⁵³.

Работы Тарди по истории культурных и экономических связей Венгрии и России, основанные на обширном круге источников, представляют значительный интерес. Можно надеяться, что автор продолжит свои изыскания в этой области.

О культурных связях 20—40-х годов в XIX в., о возросшем интересе венгерской общественности к России в эти годы сообщают статьи И. Дольманьоша и И. Фенье⁵⁴. И. Дольманьош посвятил свою статью откликам венгерской печати и общественных деятелей на события 14 декабря 1825 г. в Петербурге. Из этих отзывов выделяются записи в дневнике выдающегося деятеля движения за реформы И. Сечени, выражавшего свои симпатии к декабристам. В работе И. Фенье рассматриваются первые статьи о русской литературе и переводы из нее, появившиеся в Венгрии. Автор отмечает, что первая заметка о русской литературе увидела свет в 1822 г., но настоящий интерес к этой теме

⁴⁶ Schulteis E., Tardy L. Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából, Bp., 1960.

⁴⁷ О Керестури написал еще в 1956 г. сотрудник Сегедского университета И. Кираль. («Acta Universitatis Szegediensis. Pedagogia és pszichologia», 1956, 83—92 old.); см. о нем также работу советского исследователя К. Сильвай (Szilvay K. Kereszturi Ferenc, «Communications ex Bibliotheca historiae medicae Hungarica», Bp., 1961, N 21—22, 54—103 old).

⁴⁸ Tardy Lajos. Balugyánszky Mihály, Bp., 1954.

⁴⁹ «Századok», 1957, 326—350 old; 1958, 346—363 old.

⁵⁰ Советский историк Е. М. Косачевская, опубликовавшая две работы о Балугьянском, положительно отозвалась о работе венгерского историка. См. «Вестник Ленинградского университета», 1960, № 2, серия истории, языка, и литературы, стр. 154—160; там же, 1958, № 14, стр. 55—62; «Очерки по истории Ленинградского университета», т. I, 1962, стр. 39—67.

⁵¹ «Tanulmányok...» I, 121—146.

⁵² Vladimír Bronjevskij. Utazás Magyarországon (1810), Bp., 1947. Отрывки переведены из книги: В. Броневский. Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году, ч. I, М., 1828.

⁵³ Radó György, Tardy Lajos. Világjáró Besse János, Bp., 1963.

⁵⁴ Dolmányos István. A dekabrista felkelés magyarországi emlékei, «Századok», 1955, N 3, 425—450 old.; Fenyő István. Az orosz irodalom fogadtatása a reformkori magyar hirlapirodalomban. «Tanulmányok...», I, 245—294 old.

появляется после событий 1825 г. В 1837 г. венгерская печать широко откликнулась на гибель А. С. Пушкина, тогда же появляется сообщение о «любимейшем прозаике» русских Гоголе, который «пишет свои рассказы на народном языке и черпает их из жизни простого народа». К 1838 г. относится известие о новом «оригинальном таланте» — М. Ю. Лермонтове. В последующих статьях, как отмечает автор, опираясь частично и на работу других исследователей, явно сказывается влияние концепций и оценок В. Г. Белинского, хотя имя великого критика в эти годы еще не фигурирует на страницах венгерской печати. Интересны сведения о первых переводах Пушкина, Гоголя и Лермонтова («Выстрел», «Записки сумасшедшего», «Бэла»), появление которых относятся к 1839—1841 гг. Любопытно, что одна глава из «Героя нашего времени» была напечатана всего спустя год после выхода оригинала.

Зарождение и развитие союза между Романовыми и Габсбургами, приведшего к преступной интервенции царизма против революционной Венгрии в 1849 г., освещены на широком фоне международных отношений первой половины XIX в. в монографии Э. Андич⁵⁵. В то же время большой интерес историки Народной Венгрии проявляют и к тому, как относились прогрессивные силы русского общества к венгерской революции и царской интервенции. Этот вопрос, кратко рассмотренный как в книге Андич, так и в обобщающей работе Д. Шпира о революции 1848—1849 гг. в Венгрии⁵⁶, освещается в книге П. Вайды. Опираясь на многочисленные записки и воспоминания русских участников похода в Венгрию, автор вскрывает настроения, царившие в русской армии, а также показывает горячее сочувствие русских революционных демократов борющемуся венгерскому народу⁵⁷.

Венгерские историки и литературоведы уделили много внимания теме «Русские революционные демократы и Венгрия». В 1953 г. был выпущен сборник «Чернышевский о венграх», в который вошли венгерские переводы статей великого революционного демократа о Венгрии, опубликованные в «Современнике» в 1859—1861 гг.⁵⁸ Предисловие к сборнику написал покойный акад. Бела Фогараши, опубликовавший на эту тему статью и в советской периодической печати⁵⁹. Значительный интерес представляет работа Э. Нидерхаузера о связях Герцена с представителями венгерской революционной эмиграции⁶⁰, в которой использованы письма Герцена к Ф. Пульскому, хранящиеся в венгерских архивах и вошедшие в 61 том «Литературного наследства». К этой работе тесно примыкает статья Антала Йожа, рассматривавшего те места из «Колокола», которые касаются Венгрии⁶¹.

Исследователи русско-венгерских литературных связей Ж. Зельдхейи и И. Рейте проанализировали первый перевод «Что делать» Н. Г. Чернышевского, выпущенный в Будапеште в 1877 г., и привели сведения об откликах в Венгрии на деятельность великого русского революционера⁶². Вслед за историками венгерского рабочего движения они предполагают, что автором яркой анонимной статьи о Чернышев-

⁵⁵ Andics Erzsébet. A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Рец. на эту книгу см. «Новая и новейшая история», 1963, № 2; «Вопросы истории», 1963, № 1.

⁵⁶ Spira György. A magyar forradalom 1848—1849 — ben, Бр., 1959, 534—536 old.

⁵⁷ Vajda Pál. Oroszok a magyar szabadságharcról, Бр., 1949, 82 old.

⁵⁸ «Csernisevskij a magyarokról», Бр., 1953.

⁵⁹ Б. Фогараши. Н. Г. Чернышевский о Венгрии, «Вопросы истории», 1953, № 7, стр. 127—130.

⁶⁰ Э. Нидерхаузер. Герцен и Венгрия, «Acta Historica Academiae Scientiarum Hungariae», t. II, fasc. 3, Бр., 1954.

⁶¹ «Tanulmányok...», II, 343—375 old.

⁶² В кн. «Н. Г. Чернышевский» (статьи, исследования и материалы), т. II, Саратов, 1961, стр. 234—243.

ском в газете «Arbeiter Wochen — Chronik» в 1880 г. был ее редактор, выдающийся деятель венгерского рабочего движения Лео Франкель⁶³. В статье Л. Нире «Отклики в Венгрии на деятельность русских революционных демократов» приведены интересные отклики на деятельность Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Некрасова⁶⁴.

Во время австро-венгерского дуализма, совпадающего хронологически с последним периодом новой истории, связи между нашими странами, несмотря на то, что Венгрия не выступала как самостоятельное государство, были интенсивными и многосторонними. До освобождения страны венгерские исследователи почти не касались этих отношений. При знакомстве с новейшими работами по этому периоду поражает обилие выявленного и систематизированного материала. Правда, не все аспекты проблемы освещены равномерно. Меньше внимания уделялось экономическим и политическим контактам, сравнительно больше освещены революционные, а еще полнее литературные связи.

Первая попытка дать общую картину распространения русской литературы в Венгрии, начиная со второй половины XIX в., относится к 1945 г., когда была выпущена работа Ференца Жигмонда⁶⁵. В ней как бы подведен итог работам буржуазных литературоведов и намечен новый подход к изучению этой темы. Более десяти лет спустя И. Рейте выпустил книгу «Восприятие русской литературы в Венгрии»⁶⁶, в которой обобщил результаты собственных изысканий и исследований других ученых. В послевоенной венгерской «пушкиниане», насчитывающей более десятка статей и сообщений, выделяется работа известного историка и литературоведа — слависта Эндре Ковача «Пушкин и венгерское общество»⁶⁷. Интерес представляют также статьи на эту тему Дьердя Радо и Аладара Комлош⁶⁸. Последний написал также исследование «Путь Гоголя в венгерской литературе», в котором рассмотрены переводы, критические статьи о творчестве Гоголя и влияние его на венгерских писателей. А. Диосеги изучил вопрос о венгерских последователях Тургенева, влияние которого из всех русских классиков было наиболее значительным в Венгрии⁶⁹. Распространение произведений Достоевского и Чехова рассмотрел в своих статьях И. Рейте⁷⁰. Из обширной темы о распространении произведений Толстого в Венгрии исследованы лишь отдельные вопросы⁷¹: зато большую ценность представляет сборник «Памятная книга Толстого», содержащий отзывы венгерских литераторов о великом писателе, их критические статьи, воспоминания о

⁶³ В пользу авторства Франкеля говорит и публикация на страницах этой же газеты главы из примечаний Чернышевского к «Основаниям политической экономии» Дж. Ст. Милля, перевод которой с французского мог быть осуществлен тем же Франкелем, хорошо знавшим этот язык. Наконец, важно обратить внимание на знакомство Франкеля в Париже с русскими участниками Коммуны, в частности, с Е. Дмитриевой, большой почитательницей Чернышевского, рассказывавшей коммунарам о жизни и деятельности великого писателя. См. А. Я. Лурье. Портреты деятелей Парижской Коммуны, М., 1956, стр. 132—133; И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской Коммуны Е. Л. Тумановская, «Летописи марксизма», т. 7—8, 1928, стр. 74; Я. И. Штернберг. Статьи по поводу смерти Н. Г. Чернышевского в венгерской рабочей печати и их автор, «Русская литература», 1964, № 2, стр. 108.

⁶⁴ ВРЛС, стр. 64—99.

⁶⁵ Zsigmond Ferenc. Orosz hatások irodalmunkban, Bp., 1945.

⁶⁶ Rejtő István. Az orosz irodalmon fogadtatása Magyarországon, Bp., 1958.

⁶⁷ MOTK, 169—237, old.

⁶⁸ Radó György. Puskin magyar vonatkozásai 1848-ig. «Tanulmányok...», 1, 147—203 old; Komlos Aladár. Puskin a magyar irodalomban. «Filológiai szemle», 1955, 333—352 old.

⁶⁹ «ВРЛС, стр. 7—26; 27—68.

⁷⁰ «Tanulmányok...», 11, 388—412 old; 293—339 old.

⁷¹ См., напр., работы Д. Радо о переводах «Войны и мира» и критические статьи об этом романе: «Tanulmányok...», 11, 388—412 old; «Acta litteraria», Bp., 1960, t. 3, p. 271—297.

встречах в Ясной Поляне⁷². Такой же характер носит и сборник «Горький в Венгрии» со вступительной статьей Д. Радо⁷³.

О живом интересе к русской литературе двух крупнейших венгерских писателей второй половины XIX в. Яноша Араня и Мора Йокаи говорят статьи Э. Катона и Л. Форгач⁷⁴. Авторы подчеркивали, что оба писателя дифференцированно подходили к явлениям русской общественной жизни (сочувствие Йокаи русскому освободительному движению ярко проявилось в посвященном декабристам романе «Свобода под снегом»), и это особенно важно ввиду того, что в буржуазной Венгрии отношение Араня и Йокаи к России толковалось односторонне и тенденциозно⁷⁵.

Работы исследователей народной Венгрии обогащают наши представления о роли передовой русской культуры за рубежом, о мировом значении русских классиков. Мы например, узнаем, что «Тарас Бульба» до 1945 г. выходил в венгерских переводах 11, а «Шинель» 8 раз; когда Тургенев умер, один венгерский журналист даже заявил, что, по его мнению, «осталось немного слов великого писателя», не переведенных на венгерский язык. Но еще более важно, что работы венгерских ученых дают возможность наметить этапы распространения русской литературы в Венгрии. Если в конце XVIII и первой четверти XIX в. появлялись лишь разрозненные и случайные сообщения о ней, то после 1825 г. начали выходить серьезные статьи и отдельные переводы (правда, вплоть до 1860 г. с третьего языка — немецкого и французского). Для 60—70-х годов характерны первые переводы с оригинала, выполненные литераторами из Закарпатья. А примерно с 80-х годов на сцену выступают переводчики-профессионалы, специально изучавшие русский язык.

Знакомство венгерской общественности с русской литературой — лишь одна сторона русско-венгерских литературных связей. Вторая, не менее важная, — распространение венгерской литературы в России. Эта тема освещена слабее, хотя опубликованные работы представляют значительный интерес.

Первые отклики в русской периодической печати на венгерскую литературу, относящиеся к 30—40-м годам XIX в., рассмотрены в работе Иштвана Фенье⁷⁶. Ж. Зельдхейи, исследуя вопрос о знакомстве с творчеством Петефи в России, обратилась к советским архивным фондам и выявила интересные факты о запрещении царской цензурой ряда стихов великого революционного поэта. Лишь начиная с 60-х годов XIX в., благодаря стараниям передовых литераторов (П. Палаузова, М. Михайлова, Шеллер-Михайлова и др.), произведения Петефи широко распространяются в России⁷⁷. Большой интерес представляет исследование акад. И. Вальдапфеля «Горький и Мадач»⁷⁸, написанное на обширном материале, частично почерпнутом в советских архивах⁷⁹.

Другие аспекты культурных связей XIX и начала XX в. изучены слабее, чем литературные контакты. Попытку охватить все стороны

⁷² «Tolsztoj Emlékkönyv», Бр., 1962. Рец. на это издание см. «Вопросы литературы», 1964, № 12, стр. 196—200.

⁷³ «Gorkij Magyarországon», Бр., 1951.

⁷⁴ Katona Edit. Jókai és az orosz irodalom. «Tanulmányok.», 1, 316—342 old.; Forgács László. Arany János és az orosz irodalom. 471—522 old.

⁷⁵ «Vasárnapi Ujság», 1915, № 14; «Uránia», 1916, N 2.

⁷⁶ Fenyő István. Reformkori irodalmunk az egykoru orosz sajtó tükrében, Бр., 1959.

⁷⁷ «Studia Slavica», 1957, t. III, fasc. 1—4; «Filológiai Közönlöny», 1959, 61—70 old.

⁷⁸ Waldapfel József. Gorkij és Madách, Бр., 1958; см. рец. на эту работу в ж-ле «Русская литература», 1960, № 1, стр. 241—243.

⁷⁹ Эти материалы были опубликованы в ж-ле «Новый мир», 1958, № 6, стр. 275—276.

этих связей до 1917 г. предпринял И. Дольманьош, выпустивший содержащую много интересных фактов популярную книгу «От дружбы поэтов до братства народов»⁸⁰. Далее назовем брошюру Л. Рашоньи о связях между русскими и венгерскими востоковедами (среди последних И. Гольдциер, Б. Мункачи, Й. Будениц, А. Вамбери)⁸¹, а также статью Э. Нидерхаузера «Венгерские путешественники в России в XIX в.»⁸². В сообщениях Ш. Фриша, Д. Гортвай и Г. Хаана приведены данные о русско-венгерских медицинских связях второй половины XIX в., в частности, о знакомстве русских медиков с открытием замечательного венгерского врача И. Ф. Земмельвейса, о влиянии в Венгрии идей русского гигиениста Ф. Ф. Эрисмана, о контактах между русскими и венгерскими педиатрами⁸³.

Из работ, посвященных связям в области искусства, следует назвать прежде всего большую монографию (объемом 70 п. л.) Илоны Беркович о Михаиле Зичи⁸⁴, проводшем свыше 40 лет в России в качестве придворного живописца. И. Беркович показывает М. Зичи не только как автора слащавых салонных картин и эротических рисунков, но и как проникновенного иллюстратора Петефи, Араня, Лермонтова, Шота Руставели, «Слова о полку Игореве»⁸⁵. Автор раскрывает облик Зичи — поборника дружбы венгерского и русского народов и справедливо связывает прогрессивные поиски художника с влиянием на него передовых представителей венгерской и русской культуры. После выхода этой книги должны быть внесены коррективы в наше представление о художнике, сложившееся под влиянием отрицательной оценки В. Стасова⁸⁶ (хотя и не во всем на Беркович можно положиться; так, стараясь показать влияние на творчество Зичи эстетических взглядов Н. Г. Чернышевского и даже Г. В. Плеханова, она, на наш взгляд, теряет меру).

О венгерских художниках, работавших в дореволюционной России, написал недавно скончавшийся выдающийся венгерский искусствовед Карой Лика⁸⁷. Взаимоотношениям М. Мункачи и И. Е. Репина посвящена статья Л. Вегвари⁸⁸. Пребывание В. Верещагина в Венгрии освещено в книге искусствоведа Б. Бахера⁸⁹. Правда, автор опирается преимущественно на венгерские материалы, между тем в ряде русских дореволюционных источников, в частности в воспоминаниях брата художника, содержится интересный материал о пребывании Верещагина в Будапеште⁹⁰. В книге Бахера приведен интересный материал о популярности картин художника в Венгрии, но он не обратил внимание на одну очень характерную деталь: в сборнике венгерских пословиц и поговорок, изданном в 1895 г., фигурирует поговорка «На Шипке все спокойно», происхождение которой составитель прямо связывает с будапештской выставкой картин художника в 1882 г.⁹¹.

⁸⁰ Dolmányos István. Költők barátságától népek testvériségéig, Bp., 1959.

⁸¹ Rásonyi László. Magyar keletkutatás orosz kapcsolatai, Bp., 1962.

⁸² МОТК, 131—168 old. В другой статье автор более подробно рассмотрел впечатления путешественников первой половины XIX в. («Slavica», 11, 1962, p. 203—218).

⁸³ «Orvosi Hetilap», 1952, N 25, 732—734 old.; 1958, № 22, 748—749; «Communicationes ex Bibliotheca historiae medicae Hungarica», Bp., 1959, № 15—16, p. 121—126.

⁸⁴ Berkovits Ilona. Zichy Mihály, Bp., 1964.

⁸⁵ На эту тему см. специальную работу И. Беркович. Иллюстрации М. Зичи к «Слову о полку Игореве» («Труды отдела древнерусской литературы», т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 576—578).

⁸⁶ См. В. В. Стасов. Избр. соч., т. II, М., 1951, стр. 12.

⁸⁷ «Szabad Művészet», 1952, 305—308 old.

⁸⁸ «Szabad Művészet», 1955, 91—99 old.

⁸⁹ Bacher Béla. Verescsagin, Bp., 1954, 72—105 old.

⁹⁰ А. Верещагин. У болгар и за границей, СПб., 1896.

⁹¹ «Szájru! szájra. A magyarság szálló igéi», Bp., 1895, 154 old.

Назовем также книжку Жигмонда Ласло об отношении Листа к русской музыке⁹² и статью А. Кёртвелеш о влиянии русского балета и гастрольях русских балетных групп в Венгрии⁹³.

Экономические отношения двух стран в период дуализма затронуты лишь в одной статье, опубликованной еще в 1948 г.⁹⁴ Исследование этого вопроса затрудняется тем, что русские статистические издания не выделяют венгерский ввоз и вывоз из общего потока торговли с Австро-Венгрией, а венгерские издания подают сведения отдельно по Венгрии лишь начиная с 90-х годов XIX в. Из появившихся за последние годы монографий по истории отдельных крупных предприятий Венгрии явствует, что они часто выполняли русские заказы⁹⁵. Этот материал, а также вышеуказанные статистические сборники свидетельствуют о том, что между двумя странами был довольно значительный обмен товарами, подлинные масштабы которого позволит выявить обращение к архивным источникам.

Непосредственные дипломатические связи между Венгрией и Россией в этот период отсутствовали, но отдельные попытки налаживания прямых политических контактов были. Об одном интересном начинании венгерских политических деятелей, относящемся к первой половине 1914 г., рассказывается в статье И. Дольманьоша «Михай Каройи и «петербургская миссия»»⁹⁶, написанной на материалах венгерской печати того времени. Автор рассматривает план поездки в Петербург группы депутатов венгерского парламента для выяснения перспектив сближения с Россией и даже заключения сепаратного русско-венгерского союза. Эта поездка депутатов оппозиционной так называемой партии независимости была задумана как демонстрация против официальной политики правительства, неудержимо толкавшей страну в пропасть военной авантюры. И. Дольманьош показывает, что среди широких кругов венгерской общественности царили антинемецкие настроения и в Венгрии развернулась широкая печатная пропаганда за сближение с Россией. Автор раскрывает позицию социал-демократической партии, которая, хотя и защитила инициаторов поездки от нападков правительственной прессы, но, как и последняя, выступила против сближения с царской Россией. Официальный орган социал-демократов писал: «Руки официальной России запачканы кровью и грязью... братское единение с русским народом — другое дело, и об этом следовало бы говорить».

Несравненно большее историческое значение, нежели попытки сближения представителей господствующих классов двух стран, имели революционные связи, подготовившие в Венгрии почву для восприятия идей русской революции.

Исследователи народной Венгрии широко и многосторонне раскрывают влияние первой русской революции на разворачивание рабочего и освободительного движения в стране. Обстоятельную работу посвятил этому вопросу Петер Ханак⁹⁷. Влияние русской революции на венгерское рабочее движение освещено в специальной работе Ференца Мучи⁹⁸.

⁹² László Zsigmond. Liszt Ferenc és az orosz zene, Bp., 1955. Советский исследователь Я. И. Мильштейн, опираясь преимущественно на русские материалы, лишь частично привлеченные венгерскими учеными, освещает русские связи Листа. См. его монографию «Ф. Лист», т. I, М., 1956, стр. 387—434, 524—539 и др.

⁹³ В кн.: «A magyar balett történetéből», Bp., 1956. 163—174 old.

⁹⁴ «Magyar-szovjet közgazdasági szemle», 1948, № 6, 77—102 old.

⁹⁵ См., напр., Szekeres József. A Klement Gottwald (Ganz) Villamossági gyár története. Bp., 1962; ег о же. Az újpesti hajóépítés története (1863—1911). «Tanulmányok Budapest múltjából». XIV köt., Bp., 1963.

⁹⁶ «Történelmi szemle», 1962, № 2, 167—194 old; французский перевод статьи см. «AUB», t. V, 1963, 147—184.

⁹⁷ Hanák Péter. Az 1905-ös forradalom hatása Magyarországon. МТК, 369—402 old. Сокр. вариант статьи см. в кн. «Первая русская революция и международное рабочее движение», ч. I, М., 1955, стр. 375—416.

⁹⁸ Mucsi Ferenc. Az első orosz forradalom és a magyar munkásmozgalom, Bp., 1956.

П. Шимон и К. Мереи рассмотрели усиление венгерского крестьянского движения в обстановке революционного подъема в стране 1905—1907 гг.⁹⁹ Замечательные публицистические статьи выдающегося венгерского поэта Эндре Ади о русской революции 1905 г. рассмотрены в статьях Д. Фелдешы и Г. Винце¹⁰⁰.

Венгерские историки раскрыли причины сильного влияния первой русской революции на Венгрию, показали факторы, которые помешали революционной ситуации в Венгрии в 1905—1907 гг. перерасти в революцию. Как важное последствие революционного подъема в стране венгерские историки отмечают выделение левого крыла в Венгерской социал-демократической партии, поведшего борьбу против оппортунистической линии ее лидеров.

Что касается революционных связей более раннего периода, то они освещены слабее. Интересна работа И. Дольманьоша об откликах венгерской печати на движение революционных народников¹⁰¹. Тот факт, что венгерская рабочая печать систематически помещала воззвания «Народной воли» и «Земли и воли», наводит на мысль о наличии прямых связей между русскими и венгерскими революционерами. Можно предположить, что революционные народники использовали немецкий орган венгерских социалистов для информации европейской общественности о событиях русского революционного движения, так как рабочие газеты Германии были закрыты в годы действия исключительного закона. Установление контактов могло происходить через участников Коммуны, в частности при посредстве Лаврова, имя которого часто фигурировало в венгерской рабочей печати, а его журнал «Вперед» в свою очередь уделял большое внимание Л. Франкелю. Выявленные недавно разрозненные полицейские донесения из зарубежных и советских архивов также говорят в пользу наличия прямых контактов между революционерами двух стран в 70-х годах¹⁰².

Значительный интерес представляет статья сотрудника Дебреценского университета Пала Шоша об отношении выдающегося теоретика венгерской социал-демократии Эрвина Сабо к русскому рабочему движению¹⁰³. Автор подчеркивает влияние на него русского революционера С. Л. Клячко, с которым Сабо познакомился в Вене. Вызывает возражение лишь то, что Шош называет Клячко эсером, в то время как Клячко был революционным народником, одним из первых переводчиков Маркса¹⁰⁴.

Работы венгерских исследователей о русско-венгерских революционных контактах пополняют наши сведения о зарубежных связях русского революционного движения и помогают нам глубже понять его международное значение. Однако существует и второй аспект этой темы, на

⁹⁹ Simon Péter. A századforduló földmunkás és szegényparaszt mozgalmái, 1891—1907, Bp., 1953; Mérei Klára. A Dunántúli arató és cselédsztrájkok 1905-ben. MTK, 419—425 old.

¹⁰⁰ Földessy Gyula. Ady és az 1905-ös orosz forradalom, MTK, 403—408 old; Vincze Géza. Ady és az orosz forradalmi mozgalmak, «Szazadok», 1956, № 4—6, 657—666 old. В более общем плане о влиянии на Ади русской литературы см. статью советского исследователя О. Россиянова (ВРЛС, стр. 174—196).

¹⁰¹ «Tanulmányok...», II, 42—83 old; на фр. яз. см. AUB, t. III, 1961. Рец. на это сообщение см. «История СССР», 1963, № 4, стр. 214—216.

¹⁰² Aranyóssi Magda. A korai magyar szocialista mozgalom nemzetközi kapcsolatairól, «Párttörténeti közlemények», 1960, N 3, 138—140 old; А. Г. Волошинов. О некоторых архивных документах в связи с историей борьбы царизма против влияния I Интернационала в России. «Вестник Московского университета». Серия истории. 1965, № 1, стр. 95.

¹⁰³ Soós Pál. Szabó Ervin és az orosz munkásmozgalom «AUD», t. VI, I, 1960, 243—258 old.

¹⁰⁴ См. «Деятели русского революционного движения». Био-библиографический словарь, т. II, вып. II, М., 1930, стр. 585—586; см. также Н. Троицкий. Об авторе первого русского перевода «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. «Новая и новейшая история», 1962, № 1, стр. 196.

который венгерские историки обратили мало внимания. Русские революционеры проявляли глубокий интерес к революционному движению за рубежом, в том числе и к венгерскому. Интерес брусневцев к деятельности венгерской социал-демократии, сочувственные статьи и корреспонденции русской рабочей печати о так называемом аграрно-социалистическом движении в Венгрии в конце XIX в., спор между Плехановым и эсерами по вопросу оценки этого движения¹⁰⁵, наконец, изучение В. И. Лениным материалов об этих событиях¹⁰⁶ — все это свидетельствует о том, что русские марксисты внимательно следили за революционным движением в Венгрии и стремились учесть его опыт и уроки.

Обзор трудов венгерских исследователей, посвященных историческим связям Венгрии и России до 1917 г., свидетельствует о значительной работе, проведенной историками народной Венгрии. Эти труды способствуют сближению наших народов и укреплению их дружбы, они представляют несомненный вклад в изучение прошлого нашей Родины и ее зарубежных связей. Можно надеяться, что, опираясь на достигнутые результаты, ученые Венгрии будут продолжать изучение этой тематики, заполняя пробелы и привлекая новые источники.

¹⁰⁵ Некоторые аспекты этой проблемы пытался осветить автор этих строк. См. Я. Штернберг, Е. Г. Бартенева и связи брусневской организации с венгерской социал-демократией. «История СССР», 1964, № 4, стр. 98—103; его же. Російська робітніча преса про селянський виступи в Угорщині в кінці XIX ст. «Тези доповідей та повідомлення до XVIII наукової конференції Ужгородського державні університету». Серія історична (Загальна історія), 1964, стр. 68—74.

¹⁰⁶ См. «Ленинский сборник», XIX, стр. 311.

